

КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ 1920-х – СЕРЕДИНЕ 1930-х ГОДОВ

Политическая ситуация на Дальнем Востоке в конце 1920-х – середине 1930-х гг. характеризуется осложнениями в советско-китайских отношениях на межгосударственном уровне и нарастанием военной угрозы со стороны Японии. В этих условиях качественный и количественный состав китайской диаспоры на российском Дальнем Востоке претерпевает значимые изменения. В статье автор характеризует социально-экономическую роль китайских мигрантов в дальневосточном регионе в исследуемый период, рассматривает трансформационные процессы в среде китайских мигрантов в условиях сложной международной ситуации.

Ключевые слова: *Дальний Восток, Япония, Маньчжурия, конфликт на КВЖД, китайские мигранты, китайская диаспора.*

О. V. Zalesskaya

THE CHINESE MIGRANTS IN THE CIRCUMSTANCES OF THE POLITICAL SITUATION ON THE FAR EAST AT THE END OF 1920-ES TO THE MIDDLE OF 1930-ES.

The political situation on the Far East at the end of 1920-es to the middle of 1930-es is characterized by complications in the Soviet-Chinese relations at an interstate level and the increasing of military threat from the directions of Japan. Under these conditions the qualitative and quantitative structure of the Chinese diaspora on the Russian Far East undergoes significant changes. In the article the author characterizes the social and economic role of the Chinese migrants in Far East region during the researched period, considers transformation processes in the Chinese migrants' environment in the circumstances of the difficult international situation.

Key words: *the Far East, Japan, Manchuria, the Chinese Eastern Railway conflict, the Chinese migrants, the Chinese diaspora.*

Во второй половине 1920-х гг. в мире начинают нарастать экономические, стратегические и иные противоречия между державами. На фоне мирового финансового кризиса и затяжной экономической депрессии конца 1920-х – начала 1930-х гг. происходит усиление авторитарности и установление в ряде стран Европы и Азии тоталитарных диктаторских режимов, предпочитавших разрешать возникавшие противоречия с применением силы. Выстроенная вокруг Китая и напрямую зависящая от китайского фактора Вашингтонская подсистема международных отношений, обеспечивавшая политическую стабильность в Восточной Азии, в конце 1920-х гг. стала претерпевать необратимые изменения [23, с. 230–231].

В конце 1920-х гг. Китай по-прежнему был территорией влияния империалистических держав. С приближением экономического кризиса противоречия между отдельными странами и группами монополистов в борьбе за Китай становились все острее. Внутриполитическая ситуация в стране также характеризовалась нестабильностью. Нараставшее революционное движение испытывало внутренние противоречия, вызванные сотрудничеством и соперничеством национального и коммунистического потоков. Объединенные «тактикой единого фронта», коммунисты и гоминьдан не смогли преодолеть межпартийные разногласия. В начале 1927 г., в соответствии с теорией коммунистической революции, разработанной в Коминтерне, китайские коммунисты попытались радикализировать свои позиции вооруженным восстанием в Шанхае. Лидер гоминьдановцев Чан Кайши подавил шанхайское восстание и создал свое национальное правительство с центром в Нанкине.

Во внешнеполитической доктрине нанкинского правительства одним из основных был курс на проведение антииностранной борьбы. Следует отметить, что мероприятия антииностранной направленности проводились китайскими властями и до образования прави-

тельства в Нанкине. Так, например, 16 января 1926 г. в результате захвата на ст. Куанчэнцзы китайскими солдатами почтового поезда движение по всему южному участку Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) оказалось парализованным. 22 января того же года в Харбине китайскими военными властями был арестован управляющий КВЖД А. Н. Иванов [12, с. 37–49]. 28 февраля 1927 г. китайскими властями в Нанкине был захвачен советский пароход «Память Ленина», вместе с экипажем были арестованы и дипломатические курьеры СССР [13, с. 79–80]. 11 марта 1927 г. наряд китайской полиции оцепил здание советского торгового представительства в Харбине. В помещении торгпредства был произведен обыск под предлогом возможного обнаружения там коммунистической литературы и оружия. 6 апреля 1927 г. вооруженный отряд полиции и солдат ворвался в советское полномочное представительство в Пекине и арестовал служащих полпредства. Были также произведены обыски в помещениях военного атташе, в советском торгпредстве и на квартирах сотрудников полпредства [13, с. 141–143].

7 ноября 1927 г. подверглось нападению советское консульство в Шанхае, 13 декабря того же года – в Кантоне (Гуанчжоу). С 15 по 18 декабря в Шанхае были закрыты отделения торгпредства, КВЖД, советских компаний «Совторгфлота», «Центросоюза», «Дальбанка», «Текстильсиндиката», «Госторга», «Чаеуправления» и «Дальлеса» [13, с. 587–588]. Обвинив советское правительство во вмешательстве во внутренние дела Китая и провоцировании мятежей, гоминьдановское правительство закрыло советские дипломатические представительства по всему Китаю, за исключением Синьцзяна, Маньчжурии и Внешней Монголии. Из Китая были высланы советские военные и политические советники [23, с. 233].

Ухудшение межгосударственных советско-китайских отношений оказало непосредственное влияние на социально-эконо-

мическую обстановку в дальневосточном регионе. Специфической чертой Дальнего Востока начиная с середины XIX в. было наличие китайской диаспоры. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России были заняты в различных отраслях промышленности, занимались торговлей. В период конфликта на КВЖД 1929 г. качественный и количественный состав китайской диаспоры на российском Дальнем Востоке претерпевает значительные изменения.

Необходимо отметить, что в 1920-е гг. на Дальнем Востоке СССР отмечались случаи арестов китайских мигрантов – по подозрению в шпионаже, в контрреволюционной деятельности, в контрабандном провозе товаров, торговле опиумом и т. п. Проводя политику сокращения влияния частного капитала, советские властные органы арестовывали и высылали в Китай либо в отдаленные места СССР китайских предпринимателей.

Во время инцидентов в китайско-советских отношениях в 1926–1928 гг. количество арестованных китайских мигрантов возрастает. К концу февраля 1928 г. только в тюрьмах Владивостока и Никольска-Уссурийского содержались 600 китайцев. В китайской «Харбинской газете» от 9 марта 1928 г. отмечалось, что во Владивостоке были закрыты китайские маслостоловые заводы и хлебные магазины, свыше 50 китайских граждан были арестованы и приговорены на сроки от 7–8 мес. до 1 года [2, с. 79].

Зимой 1928–29 г. китайцам было запрещено торговать на базарах, были существенно повышены налоги в отношении, в частности, китайцев-арендаторов земли. Китайские лавки закрывались сотнями. Кроме того, закрывались крупные предприятия, принадлежавшие китайским мигрантам. Советские органы приостанавливали поток сырья, идущий на китайское предприятие, и хозяин был вынужден останавливать производство. По существовавшему законодательству бездействовавшие частные предприятия в сравнительно короткие сроки (около года)

передавались в государственное управление [5, д. 2, л. 99].

В 1929 г. отношения между СССР и Китаем обостряются. В июле 1929 г. губернатор Маньчжурии Чжан Сюэлян по согласованию с Чан Кайши объявил о национализации КВЖД, маньчжурские власти взяли управление КВЖД под свой контроль, советские служащие были отстранены от работы, часть служащих арестована. В общем же, ликвидация советского присутствия в Северо-Восточном Китае должна была стать прецедентом для устранения в дальнейшем влияния других держав в Китае. Во внешнеполитическом курсе нанкинского правительства в отношении СССР взаимодействовали «антикоммунистический и антииностранный компоненты» [23, с. 233–234].

По сообщению газеты «Гунбао» от 17 октября 1929 г., как только отношения между СССР и Китаем накалились до степени конфликта, советское правительство отдало распоряжение заморозить все счета китайских коммерсантов. Следующее распоряжение касалось закладных на недвижимое имущество. Согласно этому распоряжению китайские граждане, взявшие ссуды под принадлежащую им недвижимость, были лишены права уплачивать по ним проценты, более того, им было предложено в течение суток выкупить свое имущество, уплатив по закладным полностью. Таким образом, большая часть заложенного имущества китайских коммерсантов осталась в руках советского правительства. Находившиеся на складах товары китайских коммерсантов были объявлены не подлежащими выдаче до устранения создавшегося положения. Советские госучреждения, предоставлявшие кредиты китайским мигрантам, потребовали немедленной уплаты по векселям. После объявления военного положения на советском Дальнем Востоке все конфискованное имущество китайских граждан было объявлено достоянием советского государства. У китайцев начались повальные обыски с конфискацией золотых и

серебряных вещей, велосипедов, хлебных запасов и даже одежды. Мелким торговцам было предложено снабжать воинские части, поставляя в части товар по цене не более 80% от себестоимости. Торговцы отказались выполнять роль снабженцев на таких условиях, после чего им было предъявлено обвинение в государственном саботаже и соглашении с китайской буржуазией [6, д. 183, л. 162–163].

Началось принудительное выселение китайских предпринимателей на родину. Только из Читы на ст. Маньчжурия было выслано 1300 китайских мигрантов, причем при пересечении границы у них конфисковывали все наличные деньги, а тех китайцев, у которых находили 1 тыс. руб. и более, арестовывали. Волна арестов прокатилась и во Владивостоке: только 24 июля 1929 г. в городе было арестовано около 1 тыс. китайцев. В общей же сложности за июль, август и первую половину сентября 1929 г. в Хабаровске было арестовано около 1 тыс. китайских мигрантов, во Владивостоке – 7 тыс. чел. В сентябре 1929 г. в тюрьмах Владивостока по-прежнему оставалось 1600 китайцев. Питание их было чрезвычайно скудным: в день они получали только чашку затирухи и два куска черного хлеба [1, с. 30–31].

Несмотря на проводимые на предприятиях собрания, где китайским рабочим рассказывали о событиях на КВЖД, повсеместным стало распространение среди китайских мигрантов самых различных слухов – о скором расстреле китайскими войсками китайских рабочих-активистов, о том, что «красные будут топить в Амуре всех китайцев» и т. п. Наблюдались случаи развала китайских пионерских отрядов: родители массово забирали из отрядов своих детей. Образовались огромные очереди за визами на выезд в Китай. Свертывание китайскими торговцами своего бизнеса повлекло за собой масштабный вывоз денежной массы в Китай: в 1929–30 операц. году контрабандным путем было вывезено 679 117 руб. соввалюты [19, д. 4, л. 34].

В Дальневосточном крае (ДВК) происходит уменьшение количества китайского населения. Только за период с 1 января по 1 апреля 1930 г. во Владивостокском округе было подано 995 ходатайств от китайских подданных на получение визы за границу, и все ходатайства были удовлетворены [3, д. 301, л. 15]. Прекращают свою деятельность на советском Дальнем Востоке китайские общества.

Резко падают размеры прибыли для китайских мигрантов в сфере средней и мелкой торговли, и китайские предприниматели сворачивают деятельность своих предприятий и торговых точек. Если до конфликта на КВЖД доходы китайских торговцев на территории российского Дальнего Востока составляли от 200 до 300% и выше, то во время конфликта они с трудом могли покрыть свои расходы. Причинами этому было и уменьшение китайского населения в ДВК (а значит, и уменьшение потребителей предлагаемых китайцами товаров), и то, что после проведенных конфискаций в условиях усиления охраны советско-китайской границы китайские торговцы не имели достаточных возможностей пополнить запас товаров для торговли – большинство оптовых торговцев спешно покинули советскую территорию. Если до конфликта в Чите насчитывалось более 20 китайских точек, торговавших овощами и фруктами, то во время конфликта их оставалось только 6 [1, с. 33].

Наблюдавшийся во время конфликта на КВЖД рост шовинизма в ДВК, участвовавшие обыски и конфискации товаров у китайских торговцев, прокатившаяся волна арестов китайских инструкторов, преподавателей и партработников (только во Владивостоке осенью 1929 г. были арестованы около 4 тыс. китайцев) [6, д. 183, л. 158], обвинения в шпионаже вызвали массовый уход китайских подданных с территории советского Дальнего Востока. Удельный вес китайских рабочих на предприятиях края понизился с 17% в 1929–30 гг. до 2,2% в 1930–31 гг. [2, с. 78].

Если во Владивостоке в 1923 г. согласно официальным данным проживало 23 159 китайцев (22,1% от всего населения города), в 1929 г. – 16 614 чел. (14,5%), то в 1931 г. – 14 тыс. чел. (8,7%). В связи с началом военных акций в Маньчжурии советские власти запретили въезд мигрантов, кроме лиц, имевших специальные приглашения официальных инстанций [2, с. 71, 79].

Обострившаяся проблема нехватки рабочих рук была частично решена за счет использования труда китайских военнопленных – после конфликта на КВЖД в ДВК их насчитывалось около 8 тыс. чел. Они поступили в распоряжение «Дальлеса», «Дальугля» и других хозяйственных организаций края. Военнопленные обеспечивались питанием, жильем, медицинским обслуживанием – вплоть до середины января 1930 г., когда они были отправлены в Маньчжурию.

Китайские военнопленные рассматривались не только как рабочая сила, но и как масса, которая в дальнейшем могла бы стать революционным отрядом на Востоке. Поэтому во время их пребывания на советском Дальнем Востоке был проведен комплекс мероприятий по интернационализации и революционизации контингента военнопленных. В соответствии с указанием Дальневосточного краевого комитета ВКП(б), среди китайских военнопленных проводилась культурно-просветительная работа с целью превратить «бывшую боевую силу противника в фактор, который будет способен разложить китайскую армию простой передачей правдивого рассказа о советской стране» [6, д. 154, л. 11]. Была создана краевая комиссия по работе среди китайских военнопленных, исключительно для китайских военнопленных издавалась ежедневная газета на китайском языке «За Советский Союз» [7, д. 830, л. 105].

При помощи китайцев, работавших в советских органах, была проведена соответствующая работа с китайскими военнопленными. Все красные уголки были снабжены

плакатами и брошюрами о конфликте на КВЖД на китайском языке. Были запланированы вечера и киносеансы для военнопленных. На предварительные расходы было изыскано 1 тыс. руб. [8, д. 412, л. 1–2].

Часть военнопленных китайской армии в количестве 1504 чел. содержались в лагере в поселке Песчанка Читинского округа. Во всех 7-ми бараках, где содержались военнопленные, были организованы интернациональные уголки. Выдавались газеты на китайском языке «За Советский Союз» и «Рабочий путь», брошюры о положении на КВЖД. Проводились читки и беседы о революционном движении в Китае и России, о внешней политике СССР и т. п. Пленным помогали написать письма на родину [10, д. 853, л. 45–46].

Был проведен учет пленных по социальному составу и возрасту. Выяснилось, что из 1504 чел. в возрасте до 18 лет насчитывалось 240 чел. (15,9%), от 19 до 30 лет – 698 чел. (46,4%), от 30 до 45 лет – 467 чел. (31,2%), старше 45 лет – 99 чел. (6,5%) [10, д. 853, л. 41]. Таким образом, среди пленных преобладали люди среднего возраста. Что касается социального состава, то большинство солдат китайской армии составляли рабочие и батраки (63,8%), причем довольно высок был процент квалифицированных рабочих (30,2%). Следующей по численности группой были крестьяне (25,7%), среди которых высок был процент бедняков (72,4%) [10, д. 853, л. 49]. Социальный состав военнопленных позволял успешно вести в их среде намеченную агитационную работу.

Определенные результаты в этом направлении были достигнуты. От военнопленных стали поступать заявления о желании остаться в Советском Союзе, вступить в Красную Армию, в коммунистическую партию. У бывших солдат китайской армии были для этого, безусловно, причины экономического характера – оставшись на советской территории, они получали возможность для заработка. Необходимо учитывать также их низкий уровень грамотности. Но политпросветработу, проводив-

шаяся в их среде, без сомнения, оказала на них определенное влияние. Около 8 тыс. интернированных Красной Армией китайских солдат прибыли в Маньчжурию 16 января 1930 г., но многие интернированные пожелали остаться в пределах СССР – стали рабочими, земледельцами, ремесленниками [11, д. 399, л. 28].

Рассматривая положение китайских мигрантов на советском Дальнем Востоке во время конфликта на КВЖД, нельзя обойти вниманием тот факт, что в 1929 г. был применен опыт использования китайцев в военных действиях в составе советских вооруженных формирований. В годы Гражданской войны в рядах Красной Армии и партизанских отрядах насчитывалось 30–40 тыс. китайцев, сражавшихся за идеи Октября и получивших соответствующее интернациональное воспитание. С началом конфликта на КВЖД в полномочное представительство Объединенного главного политического управления (ОГПУ) ДВК была отправлена директива из Москвы, в соответствии с которой Владивостокский, Читинский и Амурский окружные отделы ОГПУ формировали смешанные русско-китайские отряды численностью от нескольких десятков до 200 чел. каждый. В состав отрядов входили китайские, корейские и русские коммунисты из бывших красных партизан, а нередко и хунхузы, которых органы госбезопасности освобождали по договоренности с окружными прокурорами. Дезертировавшие по пути следования к месту проведения операции китайцы арестовывались и отправлялись в концлагерь. Для руководства русскими и китайцами в отряде командиры назначались отдельно. Русско-китайские отряды совершали диверсионные операции на территории Маньчжурии [28, с. 157–158].

В начале 1930-х гг. обстановка на Дальнем Востоке становится еще более напряженной. К воплощению своей геополитической модели мира, разработанной в духе панназиатизма и имевшей целью поэтапное установление своего господства на Тихом океане, приступает Япония. Еще до Вашинг-

тонской конференции, 3 марта 1920 г. посол Японии в США К. Сидэхара заявлял, что Япония имеет совершенно особые интересы на Дальнем Востоке, прежде всего в Китае. Уже тогда речь шла о Маньчжурии [26, с. 44].

В апреле 1927 г. премьером правительства Японии стал Танака Гиити, который начал проводить более решительную политику в отношении Китая. Уже в мае 1927 г. в Шаньдун были направлены японские войска, а в апреле и мае 1928 г. группировка японских войск там была усилена. В нарушение условий Версальского договора Япония обнаружила свое намерение захвата Северного Китая под предлогом, что «Япония несет ответственность и имеет обязательства обеспечить мир и спокойствие в Маньчжурии, что Маньчжурия имеет важное значение для обеспечения обороны собственно Китая» [14, с. 108]. Были увеличены расходы на военные цели: в 1930 г. они достигали 29% бюджетных средств Японии, что составило самую крупную сумму расходов на военные нужды в мире. Постоянно увеличивался импорт военной техники и оружия в Японию – в 1928 г. он оставлял 39% всего японского импорта, а к 1930 г. возрастает до 41% [16, с. 6].

В «меморандуме Танака», опубликованном 25 июля 1927 г., было заявлено, что Япония намерена покорить весь Китай, всю Азию, а затем добиться мирового господства. Завоевание Китая планировалось начать с захвата Маньчжурии как «буферной зоны между Японией и Россией» и под предлогом «коммунистической угрозы» на Дальнем Востоке. Вторжение в Маньчжурию имело своей целью создание на этой территории выгодного континентального плацдарма, военно-экономической базы против Советского Союза. Правительства Англии, Германии, США, Франции не препятствовали осуществлению этой японской военной стратегии, так как были заинтересованы в вооруженном конфликте Японии и СССР. 21 января 1931 г. министр иностранных дел Японии заявил: «Маньчжурия – это ключ к Дальнему Восто-

ку... Обстановка требует аннексии Японией трех северо-восточных провинций Китая» [21, с. 6].

18 сентября 1931 г. японские войска вторглись в Маньчжурию. Лига Наций представила события в Маньчжурии как «местный инцидент». Нанкинское правительство избегало прямого столкновения с японскими войсками. В ответе на телеграмму Чжан Сюэляна от 5 ноября 1931 г. с просьбой о военной помощи Чан Кайши сослался на то, что «китайское правительство обратилось в Лигу Наций и рассчитывает на ее влияние на Японию, чтобы прекратить агрессию». Угроза коммунистической власти в Китае для Чан Кайши представлялась более серьезной, чем потеря северо-восточных провинций [14, с. 114].

Япония приступает к колонизации Маньчжурии и установлению в этом регионе оккупационного режима. Повсеместно происходит насаждение японской культуры и идеологии – увеличение числа японских школ, создание специальных учебных заведений для подготовки административных кадров для государственного аппарата, массовое издание газет на японском языке, введение японских юбилейных дат и т. п. Укрепляется экономическое положение Японии в Маньчжурии, усиливается японский контроль над административным аппаратом созданного 1 марта 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-Го.

В сложившихся условиях советское правительство, во избежание возникновения конфликтов, приняло решение продать КВЖД правительству Маньчжоу-Го за 140 млн иен (около 70 млн руб.), что еще более усилило позиции Японии в Маньчжурии. Если в 1930 г. Советскому Союзу принадлежали 26% инвестиций в экономике Маньчжурии (590 млн иен), то после продажи КВЖД в 1935 г. 96% инвестиций (2 млрд 207 млн иен) оказались под контролем Японии [31, р. 48]. Однако в 1930-е гг. Советский Союз активно поддерживал идею создания коллективной безопасности в Европе и на Дальнем Востоке – в

1932 г. были заключены договоры о ненападении с Францией, Финляндией, Латвией и Эстонией; в 1935 г. – трехсторонний договор о взаимной помощи с Францией и Чехословакией. В условиях кризиса Версальско-Вашингтонской системы продажа КВЖД стала закономерным актом в череде мероприятий Москвы по реализации принятой внешнеполитической доктрины [29, р. 297].

Оккупация Японии, несмотря на японскую пропаганду, интерпретировавшую события 18 сентября 1931 г. как «поворотный пункт в истории Маньчжурии, переход от колониальной эпохи к эпохе независимости и образования своей государственности», привела к ухудшению социально-экономической ситуации на Северо-Востоке Китая. Китайские предприятия, не выдерживавшие конкуренции в связи с увеличивавшимся ввозом японских товаров, закрывались. Ухудшались условия труда и жизни китайских рабочих, между тем как заработки японских рабочих возрастали. Были разрушены многие промышленные предприятия, что вызвало массовую безработицу. Только в Харбине и Мукдене, по неполным данным, потеряли работу свыше 50 тыс. чел. [14, с. 140].

Проводившаяся Японией миграционная политика сопровождалась насильственными мерами в отношении китайских крестьян. После официального предоставления в декабре 1934 г. японским подданным права на приобретение земельной собственности и долгосрочной аренды земли китайских крестьян стали заставлять продавать свою землю по чрезвычайно низким ценам. Так, в уезде Илань (пров. Хэйлунцзян) крестьян вынуждали продавать землю по цене 1 юань за 1 шан (1 шан = 0,67 га), хотя фактически цена шана неплодородной земли в этом уезде в среднем составляла 41,4 юаней, плодородной – 121,4 юаня. Отмечались случаи, когда крестьян, не желавших продавать землю, убивали. Вынужденные продавать за бесценок свои земли крестьяне разорялись (в 1939 г., например, свои участки вынуждены были покинуть

11 340 крестьянских семей) и нищенствовали либо пополняли ряды китайских кули [24, с. 37].

Одним из путей выжить и прокормить семью для китайского населения было отправиться на заработки на советский Дальний Восток. Промышленность ДВК по-прежнему нуждалась в китайской рабочей силе.

В 1930-е гг. китайские рабочие составляли довольно значительную прослойку в ряде отраслей дальневосточной промышленности. В 1931 г. в одном только Владивостокском округе китайцев насчитывалось – 53,1% в горной, 37% в лесной, 39% в химической промышленности; а всего 31% от общего числа рабочих в округе. Общеизвестный сезонный характер китайского труда не означал непременно ежегодную смену рабочего места. На Артемовском руднике 58,2% китайцев работали свыше 3 лет. Из общего числа китайских рабочих рудника 39,8% имели производственный стаж свыше 10 лет, 6,7% – от 5 до 10 лет, 21% – от 3 до 5 лет [18, с. 28]. Среди китайцев было немало ударников труда, и, несмотря на поощрение переселения русского населения на Дальний Восток из центральных, южных и западных регионов России, во многих отраслях промышленности ставка по-прежнему делалась именно на китайских рабочих.

Согласно официальным данным, в 1932 г. в ДВК находилось 57 711 китайских мигрантов [20, д. 1778, л. 1], в том числе во Владивостоке насчитывалось до 15 тыс. китайских рабочих [20, д. 1770, л. 42]. Традиционными среди китайских рабочих оставались опиекурение, игра в карты на деньги, распространение контрабанды. Милиция не уделяла достаточно внимания искоренению этих явлений. Некоторые милиционеры брали взятки и закрывали глаза на отсутствие документов у китайских рабочих и даже занимались курением опия вместе с китайцами [20, д. 1738, л. 31–32].

Несмотря на положительные изменения в системе охраны границ, в 1930-е гг. в

ДВК по-прежнему находилось значительное количество китайцев без паспорта. Так, во Владивостоке в ходе проверки обнаружилось, что из 328 китайцев только у одного имелся паспорт СССР, 152 чел. проживали во Владивостоке без паспорта, у остальных 175 чел. имелись просроченные китайские паспорта. В иностранном отделе при областной милиции на выдаче паспортов работал только один китаец-комсомолец, который не мог выдавать, как требовалось, 120–150 паспортов в день [6, д. 757, л. 289].

С ростом количества инцидентов на границе было обращено еще более пристальное внимание на обстановку в приграничных районах. Лица, въезжавшие в пограничную полосу и запретные пограничные зоны, должны были получить по месту своего постоянного жительства разрешение от органов НКВД. За въезд без разрешения, передачу разрешения другим лицам, уклонение от регистрации выданного разрешения грозило заключение сроком от 1 года до 3 лет [4, д. 26, л. 31].

Наращивание японского военного присутствия в дальневосточном регионе во второй половине 1930-х гг., вооруженное вторжение Японии во внутренний Китай, начавшееся инцидентом 7 июля 1937 г. у моста Лугоуцяо в окрестностях Пекина, притушили острые политико-идеологические разногласия советского и коминтерновского руководства с Чан Кайши. На фоне японской угрозы национальные интересы СССР и Китая совпали, так как следующим после Китая объектом агрессии должен был стать Советский Союз. И. В. Сталин и Чан Кайши взяли курс на взаимное сближение. 21 августа 1937 г. был заключен советско-китайский «Договор о ненападении», подписав который, обе стороны обменялись гарантиями несовершения взаимной агрессии и выразили желание развивать дальнейшие отношения в условиях мира. Более того, в соответствии с данным документом и приложениями к нему СССР в 1937–1940 гг. оказывал Китайской Республи-

ке существенную военную помощь, предоставлял кредиты, направлял летчиков для участия в боевых действиях и военных советников для реорганизации китайских военно-воздушных сил. В 1937–1942 гг. в Китае работало свыше 300 советских военных советников, а в общей сложности всего свыше 5 тыс. советских специалистов [27, с. 118], которые выполняли возложенные на них задачи в сложной внутривосточной обстановке одновременного существования правительственных войск и формирований различных милитаристов. Советскими специалистами была оказана широкомасштабная помощь по укреплению боеспособности китайской армии, в разработке военных операций, что в конечном итоге оказало непосредственное влияние на ход Японо-китайской войны.

Изменение геополитической ситуации в дальневосточном регионе в 1930-е гг. в связи с агрессией Японии потребовало кардинального укрепления дальневосточных границ. Из пограничной зоны советского Дальнего Востока началось выселение «неблагонадежных» социальных групп (кулаков, казаков, бывших служащих иностранных фирм), а также китайских мигрантов, которые отныне воспринимались как возможные японские либо китайские шпионы. 22 августа 1937 г. был издан циркуляр НКВД «Об иностранцах», в котором утверждалось, что «подавляющее количество иностранцев, живущих в СССР, является организующим началом шпионажа и диверсии», и предписывалось прекратить продление видов на жительство гражданам Германии, Польши, Японии и ряда других стран, в том числе Маньчжоу-Го и Китая. 23 октября того же года вышел Приказ НКВД СССР № 00693 «Об операции по репрессированию перебежчиков – нарушителей госграницы СССР», согласно которому все перебежчики, «независимо от мотивов и обстоятельств перехода на нашу территорию» (в том числе и «оставшиеся не разоблаченными как агенты иностранных разведок»), должны были быть арестованы, за-

ключены в тюрьмы или лагеря. Китайские мигранты, занимавшиеся контрабандизмом, содержанием опиекурлен и притонов, торговлей, – арестовывались. С 15 января по 1 февраля 1937 г. только в Хабаровске были ликвидированы 4 наркотических притона, содержателями которых являлись китайцы [9, д. 326, л. 167].

Массовые аресты были подкреплены постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1938 г. о переселении китайцев с Дальнего Востока, согласно которому было принято решение о переселении китайцев в Синьцзян, Казахстан и районы Западной Сибири, причем было рекомендовано, если возможно придать этому переселению «добровольный характер» [17, с. 498]. К началу 1937 г. на Дальнем Востоке России, по официальным данным, находилось 24 589 китайских мигрантов [25, с. 66], и около 19 тыс. чел. было депортировано либо отправлено в лагеря [30, р. 212–213].

По распоряжению НКВД СССР, в дальневосточные лагеря не направляли осужденных за шпионаж, террор, диверсию, измену Родине и т. д. Запрещалось направлять в эти лагеря лиц китайской национальности (так же как и японской, корейской, немецкой, польской, латышской, эстонской и финской) и харбинцев независимо от характера преступления. Поэтому китайцев с Дальнего Востока направляли в лагеря в различные районы СССР. В середине 1950-х гг. многих освобождали досрочно и высылали на родину. Только в марте 1956 г. из Хабаровска в Китай было отправлено 290 китайцев, ранее содержавшихся в исправительных лагерях [22, с. 70].

После масштабных репрессий 1937–1938 гг. китайская диаспора на советском Дальнем Востоке значительно уменьшается – по приблизительным подсчетам, до 3–4 тыс. чел. Китайцы продолжали работать на приисках, в колхозах, в погранотрядах в разведывательных подразделениях; переводчиками и радистами в составе армий Забайкальского и Дальневосточного фронтов. Всего, по

данным китайских источников, в 1943 г. в Советском Союзе насчитывалось 29 620 китайцев, что составляло 0,34% от общего количества китайских мигрантов в других странах мира [15, с. 44].

В городах Дальнего Востока продолжали функционировать консульства Маньчжоу-Го (до августа 1945 г.), а также консульства Китайской Республики (до сентября 1949 г.). Вполне отвечала интересам национальной безопасности СССР и практика формирования советскими пограничными отрядами во второй половине 1930-х гг. на границе с Маньчжурией групп специального назначения, проводивших разведывательные задания и ликвидационные операции. В группы набирались преданные и проверенные бывшие китайские партизаны, возвращение которых в Китай на жительство было невозможно. В каждом пограничном отряде создавалась только одна группа, численностью не более 10 чел. Категорически запрещено было комплектование групп из советских граждан [28, с. 161–162].

В заключение необходимо отметить, что период конца 1920-х – середине 1930-х гг. стал периодом значительных перемен для

всего состава китайской диаспоры на российском Дальнем Востоке. Обострение советско-китайских отношений на межгосударственном уровне в конце 1920-х гг. оказало непосредственное, самое серьезное влияние на дальнейшее развитие межрегиональных связей России и Китая и связей на уровне приграничного населения двух стран. Количественный и качественный состав китайской диаспоры во время конфликта на КВЖД 1929 г. подвергается необратимой трансформации. Этот процесс был продолжен в 1930-е гг., когда на Дальнем Востоке России сохранялась зависимость от китайского труда, но национальные интересы советского государства обусловили выбор силовых методов по ликвидации китайской диаспоры. Временное совпадение ухудшения политической ситуации в дальневосточном регионе и «эпохи большого террора» привело к развертыванию масштабных репрессий в отношении китайских мигрантов, в результате которых китайская диаспора более не играла какой-либо значимой роли в социально-экономической жизни российского Дальнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бу Цзюньчжэ. Изучение китайской диаспоры на российской Дальнем Востоке и в Сибири в новое время (1860–1931) (на кит. яз.). Чанчунь: Изд-во Дунбэйского педагогич. ун-та, 2003. 49 с.
2. Вацук А. С., Чернолуцкая Е. Н., Королева В. А., Дудченко Г. Б., Герасимова Л. А. Этноэмиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.
3. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-67. Оп. 1.
4. ГАПК. Ф.Р-114. Оп. 6.
5. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 137. Оп. 12.
6. ГАХК. Ф.П-2. Оп. 1.
7. ГАХК. Ф.П-2. Оп. 5.
8. ГАХК. Ф.П-2. Оп. 11.
9. ГАХК. Ф.П-399. Оп. 1.
10. Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф.П-75. Оп. 1.
11. ГАЧО. Ф.Р-474. Оп. 1.
12. Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1964. Т. 9. 783 с.
13. Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1965. Т. 10. 687 с.
14. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 2: Северо-Восточный Китай. 1917–1949 гг. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 351 с.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

15. Китайская миграция и антияпонская война. Пекин: Изд-во эмигрантской лит-ры, 2006. 259 с.
16. *Ли Жун*. История войны китайского народа против Японии (на кит. яз.). Пекин: Центр изд-во документ. лит-ры, 2005. 662 с.
17. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1927–1938 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: МФД, 2004. 736 с.
18. Наш Путь (Ежемес. ж-л Дальбюро ЦК РКП(б), г. Хабаровск). 1931. № 1–2. 205 с.
19. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф.Р-1306. Оп. 2.
20. РГИА ДВ. Ф.Р-2413. Оп. 4.
21. *Сапожников Б. Г.* Китай в огне войны (1931–1950). М.: Главная редакция вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1977. 351 с.
22. Сборник материалов по истории китайских мигрантов в России. Вып. 8: Материалы по истории и культуре г. Хэйхэ (на кит. яз.). Хэйхэ: Изд-во политич. лит-ры, 1991. 191 с.
23. Системная история международных отношений: В 2 т. / Под ред. А. Д. Богатурова. Т. 1. События 1918–1945 гг. М.: Культурная революция, 2007. 480 с.
24. Тень Маньчжоу-Го: к 70-летию «событий 18 сентября 1931 г. (на кит. яз.) / Под ред. Ли Лифу. Чанчунь: Цилиньское изд-во худож. лит-ры, 2001. 407 с.
25. *Ткачева Г. А.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы XX в. Владивосток: Дальрыбвтуз, 2000. 111 с.
26. *Федотов В. П.* Штрихи «Дальневосточного Мюнхена» // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 43–56.
27. *Чудодеев Ю. В.* Советские военные советники в Китае (1937–1942 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 2. С. 117–124.
28. *Шинин О. В.* Проведение органами ГПУ-НКВД активных мероприятий в 1922–1941 гг. (на материалах Дальневосточного региона) // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М.: Кучково поле, 2006. Т. 2. 368 с.
29. *Gathorne-Hardy G. M.* A short history of international affairs. 1920 to 1934. Oxford, Oxford university press, 1934. 351 p.
30. *Stefan John*. The Russian Far East. A History. Stanford: Stanford University Press, 1994. 481 p.
31. *Stewart John R.* Manchuria since 1931. N.Y.: Institute of Pacific relations, 1936. 53 p.